

ИЗОБРАЖЕНИЕ АДА И БУДУЩИХ МУЧЕНИЙ В НЕМ ГРЕШНИКОВ

Представьте себе самую широкую, обрывистую пропасть, представьте ее с таким глубоким дном, что ничего не может быть и глубже, и что немислимо выйти из нее. Или вообразите себе озеро, только наполненное не водой, а огнем: из этого огненного озера пламень со страшным ревом взвивается клубами в воздух. Таков и будет ад! Таково будет помещение для грешников после нынешних палат или бедных хижин, но таких, где также каждый почти день шумно веселились, проводили жизнь в разврате, Бога не боялись и человека не срамлялись. ✓

На это место Бог пошлет вечный огонь. Огонь тут надобно понимать в буквальном смысле. Толкование, будто это будет мука для одной совести, называемая по причине невыносимой боли огнем, — ни на чем не основано и противно слову Божию. Адский огонь будет тонкий и не светлый, впрочем, дым от него не будет столько затемнять пропасти, чтобы грешники не могли видеть друг друга. Что же до его силы в действии, то он будет еще сильнее нынешнего. Но, сжигая до костей, он не отнимет у человека сознания и чувств, чего с радостью пожелали бы грешники, утопающие в бездне его. Когда ныне с кем бывает страшный жар (например, во время сильной горячки), тогда человек в бреду еще не ясно ощущает свою боль. Если даже кто попадет и в самый огонь (как во время пожара), то несчастный бьется, кричит и стонет только вначале, или же при медленном действии на него огня, а затем ничего уже не помнит. Грешник же, мучимый в огне адском, сохранит все свои чувства, телесные и душевные. Оттого страдания его будут ужасны: каждым своим чувством как бы особо он будет страдать. ?

Так глазами своими он будет видеть и других подобных себе грешников, у которых в лице отчаяние, на глазах слезы.

Ушами будет непрестанно слышать и собственные стоны и зубной скрежет других: «Какой поднимут плач, — говорит св. Кирилл Александрийский, — какой вопль и рыдание, ведомые на горькие вечные мучения! Как будут стонать, биться и терзаться!»

Обонянием своим грешник будет чувствовать зловоние от составных частей адского огня, например, жупела, или горючей серы.

Осязанием будет он ощущать только жгучую силу огня. Тело его со всех сторон будет объято и, так сказать, облито огнем: яко стражду в пламени сем, сказано о богаче. И что еще? Огонь будет проникать до самых внутренностей его. Как человека, утонувшего в реке, окружает и теснит отовсюду вода: вода давит его снаружи, вода же наполняет его внутренность, так и в аду грешник весь будет проникнут противоположной стихией, огнем. Разница будет здесь только та, что утонувший в воде не чувствует давления на него воды, а грешник будет вполне чувствовать опаляющий его огонь. От силы огня все члены у него как бы будут трещать, жилы подвергнутся стягиванию. Мучителен для осязания грешника будет и червь неусыпающий. Это опять будет не угрызение только совести, но действительный червь, который будет постоянно укалывать грешника. Среди огненного пламени червь будет чернеться на огромном пространстве, будет волноваться, как вода во время бури; наружный вид его тоже будет отвратителен: «гнойна площадь зрелища... жар невыносимый... червь смраден и зловонен», скажу опять словами Кирилла Александрийского.

Наконец, и чувство вкуса у грешника не останется без мучительной боли. Вкусом своим он будет

испытывать отвратительную горечь от адского огня, и вместе с тем нестерпимую жажду, так как огонь, опалаяющий его снаружи, будет и для внутренности его как бы пищей: пошли Лазаря, да омочит конец перста своего и устудит язык мой¹, слезно просил из преисподней Авраама богат. Будет грешник чувствовать вкусом своим и яд аспидов под устами своими, может быть, за то, что недостойно причащался тела и крови Христовой.

Что грешник сохранит чувства души, видно из слов Спасителя: убойтесь же паче могущего и душу и тело погубити в геенне. Если погубляется в геенне не только тело, но и душа, значит, душа там останется живой и сознательной; значит, будет припоминать, мыслить и чувствовать. Да, в одном и том же вечном времени соединится для грешника действительная жизнь с прошедшим, настоящим и будущим временем. Чтобы приблизительно представить себе, что он будет чувствовать там душевными способностями, допустим его разговор в аду с самим собой, или предположим будущие его воспоминания, будто произносимые вслух.

Обратим прежде внимание на прошедшее его время. Так, например, безбожник, вспомнив свою жизнь, скажет себе: «Еще и намеренно я подавлял в себе религиозные убеждения». Истины веры сами о себе говорили моей душе, но я искал таких книг и таких людей, которые бы убедили меня в противном, т. е. что будто нет Бога и будущей жизни. Теперь же я вижу, что есть Бог. Не хотел я знать его добровольно: теперь познаю его невольно. Теперь самым делом я убеждаюсь в безумии прежних моих рассуждений, например, будто «душа ничего не значит, будто человек только материя, или состав плоти и крови, которые навсегда разрушаются с его

¹ Jung, «Memories», pp. 190–193.

смертью». Еще: «как многих я заразил своим вольномыслием и неверием! Как бесстрастно входил в церковь, в которую между тем другие входили с благоговением! Как презирал священников, смеялся над всякой святыней, и таким образом безумно лишал сам себя спасительной благодати!» Упорный раскольник припомнит себе: «Сколькими увещаниями пренебрег я! Не хотел верить и самым очевидным доказательствам православной истины! Отверг и перед самой смертью исповедь и св. причастие, которые предлагали мне принять мои близкие, но от которых отклоняли меня «наставники» по расколу. Был я призываем в церковь, как в ковчег Ноев: но вместо законных священников захотел лучше слушать таких же невежд или, по крайней мере, мирских людей, как и я сам. И вот, теперь я очутился за спасительным ковчегом, утопаю в потоке огненном!»

Идолопоклонник вспомнит о бездушных истуканах, которым поклонялся вместо Бога... Вспомнит и сребролюбец о своих деньгах и имуществе, которые теперь также полагает себе вместо Бога, почему и называется идолопоклонником. Сластолюбец, который в этой жизни веселится все дни светло¹, смотрит на эту жизнь, как только на срок для того, чтоб наслаждаться всевозможным образом, там почувствует на самом деле силу священного текста: плоть и кровь царствия Божия наследить не могут. Он спросит сам себя: «Где эти пиры с музыкой? Где повседневные вечера для ненужного отдыха, с игрой в карты, с бегством от своей семьи? Где те, которые гостили у меня в столь великом довольстве, что и обливались вином? Где женская красота?» Упорный гордец вспомнит, сколько от его гордости, которую теперь он проявляет различно и влас-

¹ Shaw, «Dying Tesimonies», pp. 47—48.

5

толюбием, и недоступностью, и раздражительностью, и честолюбием, и презрительным обхождением с другими, — вспомнит, сколько же от его сатанинской гордости пострадали другие. В настоящее время он и минуты не хочет послушать, когда кто думает пробудить в нем совесть, начнет высказывать ему правду прямо или только в скромных выражениях; он бежит от правдивой речи и затворяет за собой дверь, так что и нет возможности когда-либо передать ему истину, вывести его из заблуждения. Но там он будет связан по рукам и ногам, так уже поневоле выслушает все обличения от своей совести.

Богохульник вспомнит, как он небрежно и дерзко употреблял имя Божие в разговорах, письме и напрасной божбе; как даже сквернословил имя Божие, оставшись по долготерпению Божию не пораженным в ту же минуту; как называл своим «ангелом» женское лицо, к которому имел нечистую любовь и с которым даже жил развратно. Клятвопреступнику придут на память его многие присяги, которые он без всякого страха принимал и с сознанием нарушал, еще его обеты перед Богом и уверения других в чем-либо именем Божиим, чего и не думал исполнить. Кошунствовавший вспомнит все случаи, когда обращал в шутку и смех церковные службы, святые иконы и священнослужителей.

Не почитающие воскресных дней и праздников приведут себе на память, как в то время, когда добрые христиане спешили в церковь, они, напротив, отправлялись на полевые работы или — еще хуже — собирались в дома пира и разврата, как под праздничные дни будто нарочно, составляли у себя пение и лики, а то собирались все в одном доме (клуб) для веселья; как и все праздничное время проводили только в разгуле. Эти же люди вспомнят, как кроме двух-трех дней говенья, которое выпол-

няли только по обычаю, ни разу в продолжение всего года не бывали в церкви, как, встав утром и отходя ко сну вечером, каждый раз и не подумали помолиться Господу Богу. Нарушители постов припомнят себе мясо и вина, которыми пресыщали свое чрево, между тем как другие (даже и слабее их силами) оставались на сухоедении или совсем не помышляли о пище (например, в великий пяток). Хулители Духа Святого, выражавшие свою хулу, например, тем, что не признавали святых мощей и чудес, которые, может быть, совершались перед их глазами, уверятся, что хула на Духа Святого не отпускается и в будущем веке.

Непокорные дети припомнят, как своими грубыми словами, своим противлением и развратной жизнью заставляли родителей своих скорбеть и плакать о них. Но тяжело будет и самим родителям вспомнить, как они явно соблазняли своих детей беззаконной жизнью, как не старались воспитать детей в страхе Божием, а таким образом и их привели вместе с собой на место сие мучения. Вспомнит на том свете священник о своей благодати и скажет: «Сколько раз я отпускал другим грехи, а себе не заслужил прощения! Чем высшее блаженство в раю должен был я получить, тем теперь ниже мое падение во глубины ада». Тяжелы будут воспоминания для начальников, которые ни в чем не соблюдали справедливости, действуя, по-видимому, на законном основании, на самом же деле они не полагали для себя никаких законов, кроме собственного взгляда и произвола; требуя себе от других только беспрекословного послушания и ничего не предоставляя свободе и правам ближнего, сами же нисколько не покорялись ни евангелию, ни правилам св. церкви. Горько им будет вспомнить, как они людям достойным, состоящим под их властью и влиянием, завидовали и по зависти не давали даже

вздыхнуть свободно, а недостойных и льстецов награждали и возвышали. Так как они были сильными, то за свои злоупотребления и сильнее истязаны будут.

Сколь ужасны будут воспоминания самоубийц, которые вольны были погубить свои души, легко и самовластно распорядились со своей жизнью, но не в силах будут прекратить свои мучения в аде новым самоубийством! С каким ужасом припомнят свои преступления и прочие убийцы, особенно те, которые подняли убийственные свои руки на самих родителей, или пролили кровь священника, или же мучили собственных жен и детей, как некогда гонители за Христа, или еще лишали жизни беременных и младенцев! Страшны будут воспоминания ненавистников, досадителей, жестоких богачей, соблазнительей, вообще всех тех, которые убивали ближнего медленно, телесной или душевно-нравственной смертью! Сознанию этих людей предстанут все слезы, которые от их жестокостей пролили невинные. И они тем сильнее будут плакать, чем более слез от них самих пролили в этой жизни другие.

Блудники и прелюбодеи вспомнят на том свете, как они смеялись над целомудрием других, как с ранних лет оскверняли себя блудом, как соблазнили к тому же многих невинных; как расторгали законные супружества своими преступными связями, как обольщали вдов; как имели наложниц или наложников до самой старости и, даже умирая, не хотели прекратить постыдной связи; как доходили до таких грехов плотской страсти, что срамно говорить, вспомнят, что они не удерживались от своей страсти даже в великие светлые праздники, в строгающие посты и постные дни. При этом им придут на память скверные слова и столь же скверные песни их, музыка и театральные представления, от которых изнеживалась их душа и воспламенялось

воображение. Смерд от адского огня тем более будут чувствовать эти-то люди.

Грабителю и вору припомнятся их грабежи и кражи, равно как самые вещи, которые они приобрели и которыми пользовались несправедливо. Страшно будет вспомнить поджигателям об их поджогах, потому что эти злодеи оставили без крова и богатых и бедных, престарелых и младенцев; из-за их злобы добрые христиане лишились храмов Божиих, и, может быть, некоторые погибли в огне! Страшным образом будет опалать их самих огонь адский. Ленивые припомнят свои таланты, которые зарыли в земле; огненный пламень, как бич какой, будет уязвлять их за леность.

Клеветнику придут на память его напрасные подозрения на других, его пересуды, его злой язык, от которого погибли многие, его лживые доносы и показания, самая уклончивость от защиты человека правого и невинного, вообще всегдашнее благоволение его только к неправде и лжи.

Завистник вспомнит, как он злорадовался неудачам ближнего, сколько раз останавливал по своей зависти добрые начинания других, а сам между тем ничего полезного не предпринимал; как желал один бы обладать всем; как распухался своим сердцем¹, когда видел ум, достоинства и успехи другого, и как после этого мстил этому человеку, сам не зная за что; сколько своими кознями и завистливым преследованием отнял он у других спокойных ночей, здоровья и лет жизни. За это самое и будет он на том свете сильно снестаться от своей совести и как бы выть, подобно тому, как воеет одуревший пес.

Вот вам примеры, как грешники в будущей жизни будут вспоминать свое прошедшее!

«Но ужели, скажете, и за один какой-либо грех

¹ Pritchard, «Pebbles», p. 27.

человек подвергнется вечной муке? Например, уже ли досадители вечно будут мучиться?»

В том-то и беда, что одна Страсть в человеке (когда достигнет развития в высшей степени) редко бывает без других страстей и грехов. Скажем, например, о тех же досадителях. Под именем их разумеются люди злоречивые и ругатели, а также должны быть понимаемы те, которые делают в чем-либо препятствие другим и вообще нарушают доброе спокойствие ближнего. Сердце у них злое: они не щадят ближнего иной раз и в болезни его. В них нет страха Божия, потому что они часто не уважают и священного места, где делают досаду другим. Вот сколько эти люди соединяют с главным своим пороком иных пороков!

Еще замечу о будущих воспоминаниях грешника. Приводя себе на память здешнюю нечестивую жизнь, он увидит, что и греховные удовольствия не всегда ему доставались легко, но часто были соединяемы с суетой, болезнями, трудностями и даже страданиями своего рода.

Что же будет последствием всех этих воспоминаний? Что от них останется грешникам? Раскаяние самое мучительное. Грешники сознают свою вину, не будут обвинять кого-либо другого в своей гибели: увидят, что ключи от царства небесного находились в их собственных руках. Особенно же горько им будет сознание, что они давно-давно слышали об аде и вечных мучениях, но не верили ничему или оставались беспечными. Однако же глубокого и смиренного раскаяния в них не будет. Раскаяние их будет подобно раскаянию закоснелого убийцы, который взят на самом преступлении или совершил преступление на глазах других: этот преступник, положим, и не запирается в своем преступлении, но нисколько же не смягчается своим сердцем и не просит себе прощения. Раскаяние грешников на

том свете будет еще подобно раскаянию отчаянного Иуды-предателя.

Припоминая вообще свое прошедшее время, грешники обратят внимание и на те годы, которые со времени страшного суда провели уже в аду. Но приятно вспомнить о тяжелом времени, когда прожито это время и настали дни спокойные. А для грешников в том свете и после тысячи горьких дней не настанет ни одного отрадного. Для них ничего не будет значить начало адской муки в сравнении с продолжением ее, с одной стороны — потому, что и последующие дни их жизни в аду будут подобны первым, а с другой — ад до того будет мучителен, что к нему нисколько нельзя будет привыкнуть.

Итак, страшно, ужасно страшно будет во всех отношениях прошедшее время для тех, кого постигнет вечная мука! Бедная душа грешника! Сколько и она будет страдать вместе с телом! Это-то самое, братья мои, и значит погубить свою душу в той жизни!

(Г. Дьяченко. «Из области таинственного»)